

ГЛАВА 1: «Последний окурок»

Воздух в глубинном разломе нейтральных земель стоял такой плотный, что лёгкие обжигало при каждом вдохе. Пахло серой, обугленной плотью древней твари, которую они только что втоптали в каменную крошку, и чистым, тяжелым озоном.

Ями сплюнул на землю смесь пыли и вязкой крови. Катана со скрежетом вошла в ножны — он даже не стал вытирать клинок, сил не было. Ткань штанов на правом бедре была распорота до мяса, по груди тянулись багровые борозды от когтей размером с бревно. Ребра ныли тупой, пульсирующей болью, а резерв маны выгорел почти досуха.

— Твою мать... Ну и погань, — прохрипел он, хлопая себя по карманам жилетки. Пачка помялась в хлам, но внутри чудом уцелела одна сигарета. Чуть кривая, с высыпавшимся табаком на конце, но живая.

В пяти шагах от него среди обломков сталактитов тяжело поднималась Мереолеона.

Ее плащ с гербом Вермиллионов сгорел к чертям еще в середине боя. Белая туника превратилась в разодранные лохмотья, висящие на честном слове, открывая мускулистый, исполосованный ожогами и чужой кровью торс. Рыжая грива растрепалась, на скуле наливался синяк, переходящий в рваную ссадину. От ее кожи всё еще валил густой пар — Манифестация Зоны Маны сходила неохотно, выжигая вокруг нее последние капли кислорода.

Она не стонала. Не хромала. Она дышала так, будто готова была зубами перегрызть глотку следующей твари, если та посмеет вылезти из темноты.

Зверь. Чистокровная, бешеная львица, у которой напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения.

— Жалкое зрелище, капитан чужеземец, — ее голос сорвался на хриплый, утробный рык. Мереолеона оскалилась, вытирая тыльной стороной ладони разбитую губу. — Всего лишь высший демон разлома, а ты уже дышишь, как старый мерин перед скотобойней.

Ями даже бровью не повел. Чиркнул спичкой о шершавый камень, но сера лишь шикнула и сломалась от сырости пещеры.

— Захлопнись, женщина. Я нанес финальный удар, пока ты в лобовую прыгала в пасть этой хреновине, как полоумная. Огоньку дай лучше.

Мереолеона шагнула к нему. Ее походка была хищной, пружинящей, несмотря на усталость. С каждым шагом жар, исходящий от ее тела, становился ощутимее — волна сухого, опасного тепла посреди сырого каменного мешка.

Она остановилась вплотную. Ее янтарные глаза буквально светились во мраке разлома, зрачки были расширены до предела от бушующего в жилах адреналина.

— Огоньку? — прорычала она, наклоняясь к его лицу так близко, что Ями почувствовал запах гари и ее горячее, сбитое дыхание.

Она щелкнула пальцами перед самым его носом. С кончиков ногтей сорвалась крошечная искра пламени, жадная и злая. Окурок в губах Ями мгновенно занялся, опалив бумагу.

Ями затаился, не отводя взгляда от ее глаз. Горький дым привычно заполнил бронхи, слегка

притупляя звон в ушах.

— Спасибо, кошка, — процедил он сквозь зубы, пуская сизую струю дыма прямо ей в лицо. — Свободна. Возвращайся в свой прайд, зализывай шкуру.

Это была ошибка. И Ями прекрасно это знал.

Челюсти Мереолеоны сжались до желваков. Ее рука метнулась вперед быстрее, чем он успел дернуть катану. Пальцы с мозолями и короткими крепкими ногтями впились в воротник его майки, с треском дергая ткань на себя.

Она ударила его спиной о каменную стену разлома. Удар выбил остатки воздуха из легких, затылок глухо отозвался о породу, а изо рта выпала тлеющая сигарета, тихо зашипев в лужице демонической жижи.

— Ты кого кошкой назвал, кусок дерьма? — выдохнула она прямо ему в губы.

— А кого вижу, того и зову, — Ями усмехнулся, хотя кровь в жилах закипела в ответ на открытую угрозу.

В этом взгляде не было капитанского гонора. Не было благородной спеси Вермиллионов. Там была чистая, неприкрытая ярость зверя, который только что вышел из мясорубки живым и чье тело требовало продолжения бойни. Сердцебиение колотило по вискам, как боевые барабаны. Боль от ран странно переплавлялась в дикий, пульсирующий ток внизу живота.

Ями не стал терпеть захват. Его здоровая ладонь, грубая и перепачканная сажей, взметнулась вверх и намертво сомкнулась на ее шее. Не с целью задушить — с целью зафиксировать. Придавить. Показать зубы.

Мереолеона даже не дернулась, чтобы сбросить захват. Напротив — ее оскал стал шире, безумнее. Гортань под его пальцами дернулась от сдавленного рычания.

— Руки распускаешь, Ями? — прошептала она, и в ее тоне прорезалось то, от чего воздух между ними натянулся до треска.

— Ты первая полезла, огонь-баба, — прохрипел он, сжимая пальцы чуть крепче и чувствуя, как под тонкой кожей бешено бьется ее пульс. — Не умеешь вовремя тормозить — пеняй на себя.

— А я никогда не торможу.

Она впилась в его рот первой. Без прелюдий, без намека на нежность. Это было больше похоже на удар: ее зубы распороли ему нижнюю губу, смешивая их кровь.

Вкус меди и табака мгновенно заполнил рот. Мереолеона не просто целовала — она вгрызалась, требовала, вырывала этот поцелуй силой, будто отбирала его в честном поединке. Ее язык был горячим, шершавым, властным; она толкалась вперед всем корпусом, вжимая Ями в холодную породу разлома.

Ями глухо зарычал где-то в глубине груди. Раненое плечо отозвалось резкой болью, когда он в ответ рванул ее на себя. Его ладонь на ее шее сжалась сильнее, перехватывая инициативу, большой палец жестко очертил линию челюсти, заставляя запрокинуть голову.

— Сука бешеная... — выдохнул он прямо в ее окровавленные губы, разрывая поцелуй ровно

настолько, чтобы сделать один жадный глоток воздуха.

— Что, не тянешь темп? — прохрипела она в ответ с диким оскалом. В ее глазах плясали отблески еще не угасшей Зоны Маны. — А гонору-то было, капитан.

Ответом стал звук рвущейся ткани.

Ями не стал церемониться с тем, что осталось от ее туники. Пальцы с вьевшейся в мозоли сажей вцепились в вырез и с силой дернули вниз. Лохмотья льна с сухим треском разошлись в стороны, открывая мускулистую грудь, покрытую испариной, старыми белыми шрамами и свежими багровыми полосами от ударов твари. Ее кожа буквально пылала — не метафорически, а физически. Температура ее тела от природы и магии огня была выше человеческой нормы, и сейчас, на пике адреналинового отката, от нее исходил жар, сравнимый с раскаленной печью.

Мереолеона даже не моргнула. Напротив — хищно усмехнувшись, она сорвала с него остатки майки вместе с кожаным наплечником. Когти полоснули по его широкой груди, оставляя четыре ярких красных следа поверх старых боевых отметин.

— Медлишь, чужеземец, — ее пальцы жестко впились в его пояс, срывая ремень вместе с ножнами. Тяжелая катана с глухим стуком упала на камни. — Сил только на треп хватило?

— Ща посмотрим, как ты запоешь, когда я тебе эту спесь выбью, — процедил Ями.

Он грубо развернул ее к стене, впечатывая ладонями в шершавый гранит. Мереолеона ударилась о камень грудью, тяжело выдохнула, но тут же уперлась предплечьями, расставляя ноги шире — не подчиняясь, а принимая бой на новых условиях. Ее спина — рельефная, бугрящаяся жгутами литых мышц под смуглой кожей — ходила ходуном от прерывистого дыхания.

Ями сорвал с нее остатки штанов, грубо толкнул коленом ее бедро изнутри, заставляя встать еще шире. Он не искал удобства. В этом разломе не было места нежности — здесь всё дышало гарью, болью и животной жаждой сожрать друг друга живьем.

Его пальцы скользнули вниз, между ее бедер. Мереолеона тихо зашипела сквозь сжатые зубы, когда его грубая, шершавая ладонь накрыла ее влажную, раскаленную плоть. Она была готова — ее тело отреагировало на драку и близость смерти куда быстрее и откровеннее, чем любой разум. Внутри нее пульсировал тот же первобытный пожар, что сжигал вековые леса.

— Мокрая вся, — усмехнулся Ями, наклоняясь к ее уху. Запах ее пота, смешанный с озоном и запахом пепла, дурманил почище крепкого пойла. — А рычала-то, как будто прибить меня хочешь.

— Заткнись и входи уже, тварь, — прорычала она, дернув бедрами назад, требуя большего, пытаясь достать его сама. — Или я найду того, кто посмелее.

Терпение Ями лопнуло.

Он схватил ее за бедра, с силой вдавливая пальцы в упругие мышцы, оставляя будущие синяки, и вошел одним мощным, безжалостным толчком.

Мереолеона запрокинула голову, впиваясь ногтями в каменную породу так, что из-под пальцев брызнула крошка. Из ее горла вырвался не крик — утробный, хриплый стон хищника, которому

вогнали гарпун под ребра. Стенки ее сжались вокруг него с нечеловеческой, сокрушительной силой, пульсируя обжигающим жаром.

— Твою... мать... — выдохнул Ями сквозь зубы. Глаза на мгновение застлало темной пеленой. Она была узкой, горячее, как свежая лава, и брала его так плотно, что перехватило дыхание.

— Что... застрял, громила? — она повернула голову, дико скалясь через плечо, хотя ее зрачки дрожали от накрывшей волны удовольствия. — Это всё, на что... годен твой хваленый резерв?

— Ты напросилась, женщина.

Он подался назад и врезался в нее снова. Жестко. До упора. До глухого шлепка плоти о плоть, эхом раскатившегося по сводам пустой пещеры.

Мереолеона задохнулась. Ее тело на мгновение напряглось, как натянутая тетива, а затем она сама начала двигаться навстречу каждому его удару. Это не было покорным ожиданием. Она толкала таз назад с той же яростью, с какой наносила свои огненные удары в бою, буквально насаживаясь на него, выбивая из Ями глухие, рваные проклятия.

Пещера наполнилась звуками тяжелой, изнуряющей бойни: сбитое, хриплое дыхание, стоны, больше похожие на рычание, глухой стук тел и шорох осыпающихся от вибрации камней. Ями перехватил ее за талию, прижимая к себе вплотную. Его член входил в нее раз за разом — тяжело, глубоко, растягивая до предела.

— Смотри на меня, — приказал он, свободной рукой хватая ее за растрепанные рыжие волосы и запрокидывая ее лицо назад.

Она подчинилась, сверкая лихорадочным, безумным взглядом. В уголках ее глаз собирались мелкие капли пота, губы были искусаны до крови.

— Не командуй... мной... — прошипела она, но бедра ее двигались в бешеном, рваном ритме, подстраиваясь под его сокрушительные толчки. Внутри нее всё скручивалось в тугую, раскаленный добела узел. — Сильнее... давай, чертов чужеземец... глубже!

Ями прибавил темп. Мышцы его спины и рук вздулись, вены на шее вздулись канатами. Боль от сломанных ребер отступила на задний план, выжженная чистой, первобытной похотью. Он вбивал ее в стену, чувствуя, как с каждым новым ударом температура ее тела растет. Мана вокруг них начала самопроизвольно искрить: черные лезвия тьмы вспыхивали и гасли у пола, а от плеч Мереолеоны поползли рыжие языки пламени, лижа воздух.

Они трахались так, будто пытались уничтожить друг друга, выжать до последней капли.

— Мерео... — хрипло вырвалось у него, когда ее внутренние мышцы сжались судорогой, пульсируя вокруг его ствола с такой силой, что в глазах потемнело.

— Еще... не смей останавливаться! — крикнула она, и ее голос сорвался на высокой, звенящей ноте.

Кульминация накрыла их обоих одновременно, как обвал породы.

Мереолеона взвыла — глухо, яростно, содрогаясь всем телом от мощнейшей разрядки. Огонь сорвался с ее кожи, на мгновение осветив пещеру слепящей вспышкой, опалившей даже камень над их головами. Ее ногти со скрежетом вспороли гранит, кроша породу в песок, когда

оргазм буквально выкрутил ее тело наизнанку.

Ями сделал еще два сокрушительных, глубоких толчка и зарычал ей в шею, впиваясь зубами в место соединения шеи и плеча, метя ее кожу, пока глубоко внутри нее толчками выплескивалось его семя. Он держал ее намертво, прижимая к себе, чувствуя, как ее спазмы выжимают его без остатка, пока перед глазами взрывались черные звезды.

Тишина, опустившаяся на пещеру следом, была оглушительной.

Слышно было только, как с потолка капает вода — кап, кап, кап. И два тяжелых, загнанных дыхания, вырывающихся из изодранных легких.

Ями медленно отстранился. Ноги держали с трудом — колени подрагивали от адской усталости, в которой смешались смертельный бой и животный секс. Мереолеона сползла по стене на колени, упираясь ладонями в каменное крошево. Ее рыжие волосы закрывали лицо, по спине струился пот, смывая копоть и кровь.

Она не двигалась минуты две. Только плечи тяжело вздымались.

Ями тяжело опустился рядом прямо на камни, вытянув гудящие ноги. Полез по привычке в карман, забыв, что штаны сползли, а жилетка валяется в луже в трех метрах от них.

— Блядь, — глухо выругался он. — Сигареты кончились.

Мереолеона тихо, хрипло рассмеялась. Смех перешел в короткий кашель. Она подняла голову, откинув мокрые пряди со лба. Ее лицо было перепачкано грязью, на скуле наливался синяк, на нижней губе запеклась его кровь, но в глазах горело абсолютное, дикое удовлетворение сытого хищника.

— Это всё, о чем ты можешь думать, капитан? — прохрипела она, поднимаясь на ноги. Движения ее были скованными, бедра мелко дрожали, но спину она выпрямила с врожденным королевским упрямством.

— Я думаю о том, как мне теперь в штаб возвращаться, — Ями окинул взглядом себя, затем ее. — Ты мне спину исполосовала так, будто меня стая мантикор драла.

— Скажешь, что демон оказался вертлявым, — оскалилась она, натягивая то, что осталось от штанов. Ткань на бедрах промокла от их смешавшихся соков и крови, липла к коже. — А ты меня чуть не придушил.

На ее шее отчетливо темнели багровые следы широкой ладони Ями, а на плече, ближе к ключице, багровел глубокий след от его зубов — почти до мяса.

Они стояли посреди мертвого логова, два сильнейших мага королевства, избитые, выпотрошенные, пахнущие сексом и порохом. И между ними повисло нечто тяжелое, опасное. То, чему не было названия в уставе Рыцарей-чародеев.

Мереолеона нагнулась, подняла с земли его катану за ножны и небрежно бросила ему под ноги. Металл звякнул о камень.

— Это было разовое развлечение, чужеземец, — бросила она резким, холодным тоном, хотя в глубине ее зрачков всё еще тлели угли. — Ты помог сбросить пар после дерьмового боя. На этом всё.

Ями поднял катану, тяжело поднялся на ноги и застегнул ремень. Взгляд его темных глаз стал насмешливым и острым, как лезвие его меча.

— Сама-то в это веришь, львица?

Она замерла спиной к нему на секунду. Плечи натянулись, словно для броска. Но она лишь хмыкнула через плечо:

— Попробуй заикнуться об этом хоть кому-то — и я сожгу твою халупу вместе с твоими недоносками.

— Пф. Было бы что сжигать, — Ями сплюнул в сторону. — Пошла нахрен. Я в столицу через портал Финрала. Сам добирайся, раз такая гордая.

Мереолеона ничего не ответила. Вспыхнув коротким зарядом маны, она сорвалась с места и растворилась в темном зеве выхода из пещеры, оставив после себя лишь запах паленых перьев и раскаленного воздуха.

Ями остался один. Он потрогал саднящую губу, поморщился от острой боли в ребрах и достал из рукава пространственное устройство связи.

— Финрал, сопляк... Открывай дыру. И захвати из моей комнаты блок сигарет, живо. Если будешь задавать вопросы — скормлю зверям.

<http://erolate.org/book/1274/166494>